называется рвотой. Рвота в некотором отношении напоминает результат слишком сильного накручивания часовой пружины. Пружина слишком сильно натягивается, обрывается, и приводит в бездействие весь часовой механизм.

Из этого все мы, занятые в революционной классовой борьбе, можем извлечь полезный урок. Природа дала возможность желудку вести борьбу против слишком поработительного переполнения. Рвота является предостережением к прекращению излишеств, влекущих за собою неприятные последствия. Если на это предупреждение не обращается внимания, человек страдает. Изучая действия желудка в этом направлении, можно применить его и к классовой борьбе в действиях против владельцев индустрий.

Природа одарила желудок средствами революции для борьбы с излишествами, а в другом отношении она дала человеку средства для борьбы против индустриального порабощения. Это средство — разум, и когда им пользуются, оно всегда оказывается самым действительным.

Рабочий класс в настоящее время страдает от тирании капиталистического режима. Рабочий производит все возможное не для себя, а для своего хозяина, сам же он влачит существование крайней нужды. Его экслпоатируют на благо немногих; он слишком много работает, что очень быстро разрушает его организм и влечет за собой преждевременную смерть.

Желудок — урожденный борец, но в отношении человека, как индивидуума, имеется много исключений. Он не ведет борьбы против своего хозяина, а подчиняется его воле. Рабочий в индустриальном мире должен следовать примеру природы и уничтожить своего врага — капиталистический строй общества.

Этот наш мир может быть лучшим только тогда, когда человек будет пользоваться силой своего разума и затопит весь мир лавой социальной революции.

Сделав это, он превратит землю в рай для всего человечества.

П. Руссо.

ИНТРИГИ Г-на УТИНА

(Окончание).

Вопрос этот подразделяется на два вопроса:

1-й. Может ли человек сохранить всецело свою личную нравственность в среде и в условиях безнравственных?

2-й. Власть и привилегии, неразлучные с нею, не составляют ли главной сути и постоянно действующей причины общественной безнравственности?

На **первый вопрос,** мы, как материалисты и социалисты, должны ответить решительным отрицанием. Мы знаем что каждый человек, во всем об'еме и в малейших подробностях своего существа, своих помыслов, чувств, хотений и действий, в каждую минуту жизни своей, есть продукт внешней природы и общественной среды ею произведших и обуславливающих все существование его до последней минуты. Нам известно, что так называемая свободная воля, ничто иное как **нервозная сила,** образующаяся в человеке действием внешних причин и влияний или так называемого воспитания, посредством постоянного упражнения его в удержании невольных или рефлективных движений, равно как и в покорении второстепенных и преходящих апетитов, хотений, страстей, главной и постоянной целью, заданной ему или собственною постоянною страстью, внутренним убеждением, или могущественным напором общественного мнения.

Нет сомнения что наибольшее развитие **силы воли** составляет, вместе с **силою мысли,** а также и вместе с **смыслом справедливости** или **общественного уравнения,** с страстью общественной солидарности или человеческого братства, — одно из главных условий **личного достоинства** человека. Спешу прибавить, что говоря о достоинстве человека, я отнюдь не придаю этому слову старого идеального значения; беру его не в смысле самородка, зависящего будто бы только от себя и создающего, и определяющего себя самовольно, — а в смысле **невольного продукта** причин **внутренних,** т. е. присущих его личному организму, и **внешних,** т. е. материально-экономических и общественно-политических условий среды его произведшей. Умен или глуп человек; одарен ли он сильною или слабою волей; существует ли в нем страсть справедливости или нет; он ни в том ни в другом случае не виноват. Но достоинство его, его **личная ценность,** в одном случае падает, в другом возвышается.

Сила воли обуславливается прежде всего здоровым организмом, но потом и еще более **воспитанием;** при чем должно заметить, что распущенная система, пропове-

дуемая ныне под предлогом свободы, и состоящая в безграничной уступке всем хотениям ребенка, далеко не способствует к развитию сильной воли. Воля развивается напротив упражнением, сначала разумеется принужденным, в удержании своих инстинктивных движений и похотей; а с этим постепенным образованием и сосредоточением внутренней силы, образуется мало по малу и сосредоточенность внимания, памяти и самостоятельность мысли в ребенке. Человек не способный владеть собою, побеждать в себе преходящие похоти, воздержать себя от невольных и вредных движений и действий, непривыкший противустоять внутренним и внешним напорам, одним словом, не имеющий воли, просто дрянь.

В древнем, греческом и римском мире главною заботою общественного воспитания было развитие воли, точно также в нашем новейшем мире главное внимание обращено на развитие знания и мысли. Можно даже сказать что в настоящее время правительства употребляют все усилия для того чтобы не дать развиться сильной воле в воспитанниках, вероятно на том основании что от воли до свободы не далеко. Этим отчасти об'ясняется факт несомненный, что в древнее время было больше героев чем ныне.

Несомненно также и то, что человек, в котором природа и воспитание создали сильную волю, не так легко поддается напору и влияниям общественной среды, как поддается им человек одаренный лишь слабою волею. Однако как бы не был силен человек, общество все-таки сильнее его. Сила его только относительная, сила же общества, в отношении к нему, почти абсолютная. Побороть общества он не может, но одержимый справедливою или несправедливою страстью и вооруженный непреклонною волею, он может умереть, пасть жертвою за свою страсть, за свое убеждение, за свою мысль, и если мысль его справедлива, может победить общество самою смертью своею.

Сильная воля сама по себе ни нравственна, ни безнравственна. Были изверги одаренные чрезвычайною волею. Нравственность или безнравственность воли зависит от ее содержания и цели. Цель же и содержание даются ей **мыслию.**

Сила мышления, равно как и сила воли, обусловливается в каждом человеке **организмом** и **воспитанием**. Как будет впоследствии, через не знаю сколько веков, когда на всем земном шаре воцарится полнейшее общественное равенство, мы не знаем. Но теперь нет возможности отрицать что есть организмы, от самого рождения, умные и глупые. Мозговое равенство еще не установилось в человечестве. В утешение можно заметить, что число чрезвычайно умных, гениальных людей, а также число чрезвычайно глупых людей от рождения, идиотов, в сравнении с массою человечества, чрезвычайно мало. Огромнейшее большинство состоит из людей одаренных способностями средними, умеренными, почти равными, хотя и чрезвычайно разнообразными. А ведь в настоящее время не в меньшинстве, а в большинстве дело.

Большая часть различий существующих ныне, в умственном отношении, происходит не от рождения, а от воспитания. Сила мышления развивается **упражнением** в **мышлении**, и правильным, целесообразным руководством детских и юношеских мозгов в великом деле разумного познавания. Сила мышления далеко не обеспечивает еще справедливость его выводов. Были и есть люди чрезвычайно умные, одаренные замечательною энергиею, даже богатством и строгою последовательностью мысли, которые пороли и до сих пор еще порют дичь. К этому числу принадлежат все Богословы, метафизики, огромное большинство прошедших и нынешних экономистов и юристов, именно всех тех, которые смотрят на существующий экономический порядок и на юридическое право, не как на преходящие исторические явления, а как на нечто абсолютное. Сила мышления есть как бы сказать только формальная сила, применяемая равно и к дельному содержанию и к нелепости. Она, как уже было замечено выше, обусловливается прежде всего счастливым устройством мозга, а потом и еще в большей мере постоянным и разумно направленном и расчитанном упражнении той мозговой деятельности которую мы называем мышлением. Способность и привычка мыслить приобретается и развивается точно так же, как и все другие, хорошие и дурные привычки нашего организма. Но справедливость выводов и заключений мышления, не зависит только от его строгой последовательности и силы. Она зависит на столько же от разумности или от действительности материала служащего ему предметом. Кем же дается этот материал для мышления? Общественною средою, и прежде всего общественным воспитанием.

Воспитатели живут и действуют в известном обществе, и во всем своем существе, в малейших подробностях жизни своей, большею частию сами не подозревая того, насквозь проникнуты его убеждениями и предубеждениями, интересами, страстями, привычками. Они передают их всецело питомцам своим, причем надо однако в уте-

шение заметить, что так как, вследствии
естественной наклонности человека давить
все что слабее его, почти все воспитатели
притеснители и деспоты, и так как спаси-
тельный дух противуречия, этот залог сво-
боды и всякого прогресса, пробуждается
в человеке почти с колыбели, дети и юно-
ши обыкновенно ненавидят своих воспита-
телей, не верят им, и протестуя против их
рутинного, общепринятого учения, стано-
вятся способными создать или принять но-
вые. Вот одна из главных причин, почему
юноши, пока они еще сидят на школьной
скамье и не успели еще принять прямого
и положительного участия в обществен-
ных интересах, более способны чем совсем
взрослые люди принять новую истину. Но
лишь только они оставили школу, лишь
только заняли в обществе определенное
место, и прониклись условиями, привычка-
ми, интересами и как бы сказать логикою
известного, более или менее льготного по-
ложения, они, или по крайней мере огром-
ное большинство между ними, становятся
наравне с старшими, против которых пре-
жде бунтовали, а иногда даже пуще их,
рабами общества, и в свою очередь при-
теснителями младшего поколения, во имя
общественных предрассудков.

Общественная среда и общественное мнение, всегда выражающие материальные и политические интересы этой среды, ложатся тяжелым гнетом на свободную мысль*), и много надо мысленной силы и еще более противуобщественных интересов и страсти, для того что-бы устоять против этого гнета. Путем положительных а также и отрицательных действий, само общество порождает в человеке свободную мысль, оно же большею частию и подавляет ее. Человек есть до такой степени общественное животное, что вне общества он немыслим. Долго, целые тысячулетия прогуливался человеческий род отдельными стадами по земному шару, прежде чем в общественно животной среде одного из таких человеческих стад, пробудилась вместе с первым словом и с первым проблеском мысли, первая самосознательная или свободная личность. Вне общества, человек никогда не перестал бы быть неразумным и бессловесным животным, в тысячу раз беднее и зависимее от внешней природы чем большая часть четвероногих, над которыми он так гордо возвышается ныне; а для того что-бы создать одну из самых бедных ныне существующих свободных личностей, потребно было соединения общественных усилий бесчисленного множества поколений. Итак лицо, свобода и разум лица, суть продукты общества, а не общество создание лиц, и чем выше, чем полнее, чем свободнее развит человек, тем более он есть продукт общества, тем более он получил от него и тем более он обязан ему. Общество в свою очередь бывает обязано лицам. Можно даже сказать, что нет такого бедного, природою, воспитанием и жизнию обиженного лица, которое бы своим слабым трудом, своим еще слабейшим развитием умственным и нравственным, и рядом своих никем не замечаемых отношений и действий, не влияло бы в свою очередь, хоть и в самой микроскопической мере и, разумеется, нисколько не подозревая и не желая того, на развитие общества его произведшего. Ведь действительная жизнь общества, в каждую минуту его существования, есть ничто иное как сумма всех жизней, развитий, отношений и действий всех лиц его составляющих. Но эти лица собрались и соединились не произвольно, не по договору, а независимо от своего сознания и воли. Они не только собраны и соединены, но порождены и в материальном, и в умствен., и в нравственном отношении, обществом, материальную, умственную и нравственную жизнь которого они выражают, и действительно составляют. Поэтому их действие, сознательное, а большею частию бессознательное, на общество их породившее, есть действие самого общества на себя, через их посредство. Они обществом порождаемые и развиваемые орудия общественного саморазвития.

Смешно представление индивидуалистов школы Жан Жак Руссо и Прудоновских мутуалистов, воображающих что общество есть результат свободного договора личностей абсолютно друг от друга независимых, и вступающих во взаимную связь и зависимость, только в силу заключенных между ними условий. Точно как будто бы эти люди с неба упали и принесли с собою на землю и слово и волю и мысль самородные, вполне отрешенные от всякого земного, т. е. от всякого общественного происхождения. Да если бы общество состояло из таких абсолютно друг от друга независимых личностей, то им бы не было ни нужды, ни даже малейшей возможности соединиться; не было бы самого общества, а **свободные** личности, за невозможностью жить и действовать на земле, должны бы были обратным путем улететь на небо.

Человек не создает общества но рождается в нем, и рождается не свободным, а напротив совершенно опутанным, как сын той или другой общественной среды, созданной длинным рядом прошедших влия-

*) Свободную в смысле независимости от рутинных общепринятых мнений.

ний, развитий и исторических фактов. Он носит на себе печать того края, того климата, того народного типа, того сословия, тех экономических и политических условий общественной жизни, и на наконец того места, деревни или города, того дома, того семейства, и того круга людей, в среде которых он родился. Все это определяет его характер, природу, дает ему определенный язык, навязывает ему, без малейшей возможности сопротивления с его стороны, целый готовый мир созерцаний, мыслей, привычек и чувств, и ставит его, помимо всякого произвола и выбора, и гораздо прежде чем в нем могло пробудиться какое бы то не было сознание, в строго определенные отношения с окружающим его общественным миром. Он становится органическим членом известного общества помимо и прежде всякой воли, и опутанный им внутри и снаружи, проникнутый до конца его верованиями, предрассудками, страстями и привычками, он есть в самом начале не более, как самое невольное и самое верное отражение того общества.

Поэтому всякий человек рождается и в самые первые годы своей жизни остается рабом общества — пожалуй даже и не рабом, потому что для того чтобы быть рабом надо сознавать свое рабство, а бес-

сознательным и совершенно невольным отпрыском своего общества. Каким же образом рождается в нем отдельное самосознание, сомнение, своя мысль, дух и поползновения свободы, дух бунта?

Я уже сказал выше, начало освобождения заключается в спасительном инстинкте противуречия, в самоохраняющем протесте ребенка против чужого насилия. Но этого было бы далеко недостаточно для укрепления образования в нем свободной мысли и свободной воли, если-бы его инстинктивному протесту противустоял общественный мир вполне гармонический, строго сплоченный и не являющий в себе самом ни малейшего противуречия. Где-ж было бы слабому ребенку или юноше бороться против такого могущества; оно задавило бы и обратило бы его несомненно в раба безвыходного. К счастью для человечества, такого вполне гармоничного бщественного строя нет и никогда не было на свете. Всякое общество полно противуречий и представляет собою борьбу нескончаемую*), борьбу научную, борьбу религиозную, политическую, экономическую; борьбу общества против государства; борьбу партий и сословий в государстве, и наконец борьбу семейную.

(Здесь рукопись обрывается).

М. БАКУНИН.

---

*) Существуют однако две огромные страны, в Азии, в которых после многовековой борьбы, доведшей их до значительной степени развития, наступило затишье; борющиеся элементы успокоились, покорились, и окаменелое общество приняло мертво-гармоничный строй, делающий всякое дальнейшее развитие изнутри, всякое самородное национальное движение почти невозможным. Движение бессомнения есть, потому что все что существует, движется, и борьба продолжается, но это движение и продолжение борьбы так слабы, что для того, чтобы возвратить жизнь этим странам, Китаю и Индии, необходимо вмешательство и пожалуй насильственное вторжение внешних, чужестранных элементов. Вторжение Европы в Азию пробудит к новой жизни более чем треть всего человечества, огромные массы в 650 до 700 миллионов людей, заснувших мертвым сном, именно вследствие прекращения всякой борьбы, вследствие окончательной победы одержанной государством над обществом и окаменелою, на привелегии основанною организациею общества над лицом. Все правительства, все государства без исключения, ставя себе главною целию *водворение порядка и тишины в обществе*, стремятся инстинктивно и насколько им позволяет настроение его к доведению его до Китайского или до Индейского окаменения. Всякое государство имеет целию победу смерти над жизнию. Особенно всероссийское государство, которому, для достижения этой цели, представляется, с одной стороны, пожалуй, менее затруднений чем государствам западным. Россия, по характеру своему, страна полуазиатская, долго страдавшая безличностью, или что все равно патриархальностью отношения лица к семье, к общине, к государственной власти. Общественная инициатива, до сих пор еще весьма слабая, принадлежит в ней не лицу, а общине, а в последней, опять таки не лицу, а семье, т. е. главе семейства. Лицо в ней сознательно подчиненно, робко, бесправно: „я миру не укащик!“ Но без личной самостоятельности, без личной инициативы и мысли, без личного бунта, нет прогресса. Вот чего не должны бы были позабывать наши славянофилы и вообще все слепые поклонники *русской общины*. Правда что *община наша*, в экономическом отношении, представляет ту огромную выгоду, что чужда личному праву, она основана на общинной поземельной собственности. То, к чему стремятся западные народы, у нас уже есть отчасти действительность: коллективная собственность земли, и на основании этой собственности, зародыш политической организации: — *Общинный мир*. Но этот мир, или вернее, механическое сочетание этого бесчисленного множества отдельных миров, лишенных всякой органической связи между собой, и соединенных только внешним образом официальною властью чуждого, враждебного им и поедающего их государства — существует вот уже тысячу лет и до сих пор не произвело из себя ничего путного, кроме этого поганого государства, бича внутри противучеловечественного вр- гала внаружу. Почему же русские общины не умели до сих пор соединиться, почему они не создали ...

(Примечание обрывается).